

ФЕНОМЕН ЖУРНАЛИСТИКИ В ПУБЛИКАЦИЯХ М.О. МЕНЬШИКОВА 1891–1900 ГОДОВ¹

PHENOMENON OF JOURNALISM IN PUBLICATIONS M.O. MENSHIKOVA IN 1891–1900

N. Krizhanovsky

Summary. The article presents the results of a study aimed at understanding the phenomenon of journalism in the publications of M. O. Menshikov in the "Week" ("Nedelya") and "Books of the "Week"" ("Knizhki "Nedeli") in the years 1891–1900. The study revealed that the understanding of journalism by a journalist is inextricably linked with the main processes that took place in Russian and foreign journalism at the end of the 19th century. The author analyzed a large layer of Menshikov's articles on journalism and revealed publicist ideas about the role of journalism in society and about the personality of a journalist, which are based on the primacy of conscience, awareness of the positive and negative qualities of journalism manifested in the era of scientific and technological progress and capitalist relations.

Keywords: M. O. Menshikov, journalism, journalist, publications, ideal, problems, freedom of speech.

Крижановский Николай Игоревич

*К. филол. н., доцент, Армавирский государственный педагогический университет
nicolaykri@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на осмысление феномена журналистики в публикациях М. О. Меньшикова в «Неделе» и «Книжках «Недели»» в 1891–1900 годах. В ходе исследования выявлено, что осмысление публицистом журналистики неразрывно связано с основными процессами, протекавшими в русской и зарубежной журналистике конца XIX века. Автор проанализировал большой пласт статей Меньшикова о журналистике и выявил представления публициста о роли журналистики в обществе и о личности журналиста, которые базируются на примате совести, осознании положительных и отрицательных свойств журналистики, проявленных в эпоху развития научно-технического прогресса и капиталистических отношений.

Ключевые слова: М. О. Меньшиков, журналистика, журналист, публикации, идеал, проблемы, свобода слова.

Последние несколько лет творчество М. О. Меньшикова стало объектом пристального внимания ученых филологов и историков [см, например: 1; 2; 3; 4; 5; 28; 30; 31]. Тем не менее, о восприятии Меньшиковым феномена журналистики на современном этапе науки написано немного. В. Б. Трофимова в предисловии к двухтомнику «Великорусская идея» [26] анализирует публикации Меньшикова в «Новом времени» и формулирует ряд особенностей понимания особенностей функционирования журналистики в обществе. Так, важнейшей для Меньшикова проблемой, связанной с журналистской деятельностью, В. Б. Трофимова назвала проблему свободы слова и печати. Она обращается к статьям 1915–1916 годов «Седьмая держава», «"Пророки" и держиморды», «Долг печати», «Мрачные предсказания г. Милюкова». В них особо выделены мысли публициста о «невероятной несвободе русской печати» [26, с. 63], необходимости искренности и свободы слова в журналистике [Там же], об объединении журналистов разных стран для общего служения принципам национальной и личной

свободы [26, с. 65], о значимости совести в журналистской профессии (там же), о связи цензурной несвободы печати и подъема революционного движения [26, с. 67]. В этой работе отмечена и обозначенная Меньшиковым в статье «Золотое сердце» одна из задач печати — содействие «усиленному развитию прежде всего технического образования» [26, с. 60], для того чтобы скорейшим образом Россия догнала Запад. Тем не менее, в исследовании Трофимовой нет ни обращения к статьям Меньшикова о журналистике, напечатанным в «Неделе» и «Книжках "Недели"», ни полного освещения работ о журналистике и журналистах в «Новом времени». В работе Н. И. Крижановского о проблемах права в творчестве Меньшикова [4] кратко рассмотрены его представления о задачах публициста, сформулированные в период работы в «Неделе». Важнейшими из них названы отображение «слабых мест» общества и открытие новых всеобщих проблем, незаметных для специалиста-практика [4, с. 93]. Кроме того, рассмотрены негативные аспекты воздействия печати на судебную систему [4, с. 97] Наша задача — продолжить

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 18-012-00070 «Публицистика М. О. Меньшикова (1859–1918): проблемно-тематический спектр, эволюция миропонимания, критико-философские диалоги с современниками (К 100-летию трагической гибели публициста)».

работу по осмыслению понимания М. О. Меньшиковым феномена журналистики на основе публикаций 1891–1900 годов.

1890-е годы для русской журналистики были эпохой бурного роста и окончательного перехода от доминирования журнальной печати к главенству газетной. Кроме этого в это время был заложен фундамент для последующего расцвета отечественной печати в начале XX века, названного Г. В. Жирковым «золотой век» [2] русской журналистики (1900–1914). М. О. Меньшиков рассматривал разные аспекты феномена журналистики во многих публикациях, приближая своими публикациями в «Неделе» «золотой век». С переходом в 1901 году в «Новое время» журналист сам становится его активнейшим участником и мощнейшим представителем.

В начале 1890-х Меньшиков уделял серьезное внимание изменениям в российской и мировой печати. До конца 1900 года, то есть до времени закрытия «Недели», он опубликовал около двух десятков статей, которые были посвящены различным вопросам функционирования журналистики. Среди них «Газетное наводнение», «Адмирал-редактор», «Призвание журналистики», несколько статей в циклах «Заметки», «На очереди», «Отклики».

В статье «Газетное наводнение» (одна из первых публикаций, посвященных журналистике) Меньшиков обозначил важнейшие проблемы развития печати. Публицист указал на усиление роли газет в обществе, начавшееся их господство над печатью журнальной. Газеты, по его мнению, не приняты всерьез критикой, но их влияние на общественное мнение все сильнее [7, стб. 817]. Публицист называл газеты «продуктом нашего века», а их появление считал закономерным в век «пара и электричества» [Там же]. В статье Меньшиков впервые назвал газету «форумом новейшей цивилизации», а также «бесконечной энциклопедией» [7, стб. 819]. Тем самым он указал на важные функции ежедневной периодической печати — предоставлять право голоса всем и давать полезные знания.

В этой фактически первой публикации о журналистике в «Неделе» прозвучала ставшая впоследствии традиционной в работах Меньшикова тема отставания России от стран Запада. Сопоставляя Россию с США и Европой по количеству газет, свободе слова, различию ролей журналист констатирует: «В нашем скромном по культуре отечестве, при наших 90 (на всю Россию) ежедневных политических газетах, питающихся притом преимущественно иностранною политикой, мы и представить себе не можем размеры роли газет на Западе и в Америке» [Там же]. Особенно впечатлил публициста факт практически одновременного появ-

ления газет в начале XVIII века в России и США и наметившееся за два века отставание нашей страны более чем в 100 раз по количеству периодических газетных изданий. Меньшиков связал такой разрыв с разрывом технологическим: за океаном давно шло мощное железнодорожное строительство и развитие применения пара в различных областях промышленности США. Говоря о развитии американской печати, Меньшиков отмечал экономическую, политическую, образовательную и интегрирующую роли ежедневной прессы в современном западном обществе [Там же]. Особо он останавливался на последней, объединяющей общество функции печати: «В Америке, говорит “N. Zurichher Zeitung”, вопрос, к каким общественным слоям принадлежат читатели газет, не имеет смысла, потому что там газеты читаются решительно всеми, начиная с крупного банкира и кончая последним разносчиком» [Там же]. Повсеместное чтение газет в американском обществе Меньшиков связывал именно с погруженностью общества в экономику, ведь «газета теснейшим образом связана с трудовой жизнью страны» [Там же].

Публицист также отмечает, что кроме развития газеты способны принести и упадок в отдельные сферы жизни. Так, проникновение капитала в газету и преобразование ее в центральный объект для чтения создает в США серьезную почву не только для ухода книги как основного источника знаний, но и для снижения численности журналов и библиотек [7, стб. 820]. Еще одна негативная черта охваченного газетами мира, которую выделил Меньшиков — усиление влияния печати на психологию масс, на общественное мнение. На смену возвышенной литературе приходит более стихийная и низкокачественная газета, а на смену вдумчивому читателю — читатель с небрежным чтением: «Голова культурного человека, прежде представлявшая спокойное и многолетнее жилище хотя и небольшой семье идей, но семье сжившейся, сроднившейся и составлявшей одно сердечное целое, — превращается теперь в проходной двор для многочисленной и случайной толпы» [Там же]. А умственный голод в период существования редких и дорогих книг сменился периодом пресыщения газетным чтением и «газетным наводнением», «грозящим потопить более благородный мир книжной словесности вместе с его обитателями» [7, стб. 821].

В статье «Газетное наводнение» Меньшиков проповедовал предсказать дальнейшее развитие мира коммуникаций и технологий: «... Не в далеком будущем будет стоить только прижать кнопку квартирного фонографа, чтобы он пересказал вести последнего часа» [7, стб. 818]. Что это: прообраз новостного теле-, радиоканала или устройства с функцией голосового чтения, озвучивающего выложенный в интернет новостной

блок, а может, ответы на вопросы о новостях, полученные с помощью голосовых помощников?

Отметив в статье «Газетное наводнение» положительные стороны развития газетной печати, связанные с развитием техники, экономики, интеграцией общества, Меньшиков обозначил и отрицательные — падение интереса к серьезному, основательному и культурному чтению книг, стремление владельцев газет и репортеров угнаться за привлекательными для читателя материалами, вторжение крупного капитала в производство газет и стремление к лучшему спросу. Значимо в этой статье и отсутствие указания на высокий нравственный ценз для журналистики. Такое нехарактерное для последующих материалов М. О. Меньшикова явление можно объяснить тем, что цель статьи была показать развитие газетного дела на Западе и отсталость России. А Запад на протяжении значительной части жизни Меньшикова был своего рода высоким технологически развитым ориентиром, поэтому критика в его адрес была редкой особенно в первой половине 1890-х.

Идеи первой публикации о журналистике в «Неделе» были вскоре развиты в большом, на несколько номеров, журнальном материале «Книжеч «Недели»» за 1892 год под заголовком «Призвание журналистики» («Книжки «Недели»». 1892. № 4–7). Эта статья впоследствии с небольшими доработками была переиздана в сборнике «О писательстве» (СПб, 1898). В начале работы Меньшиков отметил вторжение в жизнь нового влиятельного сословия, которое проникает во все уголки общества и способно повлиять даже на правительства мощных держав, — журналистов [27, с. 159–160]. Несмотря на то, что журналистика — явление еще молодое, не до конца определившееся, публицист ставил ее в один ряд с такими значимыми достижениями человечества, как электричество и пар [27, с. 163]. Меньшиков использовал свой излюбленный прием биологического, дарвинистского сравнения: с обретением железных дорог, пара и электричества человеческое общество «из стадии бесформенного слизняка, части которого не связаны сосудами и нервами» [Там же] перешло в стадию высшего существа: у него «прорезались многочисленные артерии — железные дороги и густая сеть нервов — телеграфных линий» [27, с. 163–164]. Мозгом такого общества Меньшиков назвал интеллигенцию, а голосом — журналистику [27, с. 164].

В статье Меньшиков смог показать самые разные процессы, протекающие в мировой журналистике: стремительное развитие печати в XIX веке на Западе Европы и в США в сравнении с отстающей Россией [27, с. 168–170], обретение журналистикой политической роли, социально-интегрирующей и просветительской

функций [27, с. 171–174], обозначил пороки, связанные с вторжением в журналистику капиталистических отношений и конкуренции [27, с. 189], показал негативные стороны журналистики, связанные с подкупом, шантажом, ложью, поверхностностью, проституированием печатного слова, проявившихся на региональном и мировом уровнях [27, с. 190–213], объяснил причины отрицательного отношения к репортерам общества их низким поведением в соответствии с «дарвиновской моралью» [27, с. 200], связал нравственный упадок в журналистике с общим упадком нравственности интеллигенции [27, с. 223]. Кроме этого публицист отметил, что в обязанности журналиста входит выражение мнения, соотношенного с научными знаниями и человеческим опытом, стремление быть учителем толпы и посредником между публикой и художественным творчеством (своего рода «третьей судей») [27, с. 228–229], а также умение стоять на страже «общественных интересов» [27, с. 229] во внешней и внутренней политике.

Гласность Меньшиков назвал одним из главных внешних условий существования полезной для общества журналистики, ставя ее выше свободы, равенства и братства. Благодаря гласности журналистика в новом обществе может стать «самым деятельным началом прогресса», «великим орудием» [27, с. 231], которое должно попасть в чистые руки. Для этого журналисты должны обладать не только талантом и энергией, но и важнейшим качеством — совестью [27, с. 233].

Особо стоит отметить мысли Меньшикова, связанные с его пониманием идеального государственного устройства. Он считал, что одна из значимых причин падения нравственности — технический прогресс, который «внес анархию в область духа, растлил народную душу» [27, с. 223]. Поэтому задача человека конца XIX века — возродить дух, продолжить великое дело «построения культуры» [Там же]. Констатируя нравственное разложение значительной части журналистики за границей и в России, Меньшиков заявлял: «Мы должны верить, что возрождение возможно, что рассеянное теперь, как пар в пространстве, обессиленное творчество воспрянет из хаоса, соберется и отвоюет свой потерянный престол в человечестве» [Там же]. Высокие, патетические слова о возрождении духа адресованы в первую очередь интеллигенции, являющейся, по мнению публициста, носителем духовных ценностей, «нравственно и умственно одаренной» [276, с. 224]. Меньшиков подчеркивал господствующую общественную роль одухотворенной интеллигенции, которой должна будет подчиниться толпа. Он понимал, что такое преставление — отрицание главного политического принципа «господства демократии» [Там же]. Но, впадая в противоречие, считал свою мысль пра-

вильной, поскольку «главный интерес человечества — не господство, а счастье» [Там же].

В статье проявлено представление Меньшикова об оптимальном устройстве общества: «Мне кажется, демократия охотно и без всяких споров уступила бы господство настоящей аристократии, и это было бы истинным устройством общества, естественною организацией, для всех наилучшей» [27, с. 225]. Меньшиков выдвигал требования к настоящим новым аристократам-интеллигентам: быть «аристократией духа», а значит, проявлять геройство, беззаветную храбрость, культ чести и самоотверженность [Там же]. Так публицист стремился утвердить необходимость возникновения в обществе национальной элиты (истинной аристократии), которая была бы «в состоянии вдохнуть в эту сырую массу (народ. — Н.К.) сознание, только она создает культуру» [27, с. 226].

Мечта об аристократах духа, проявляющих «талант и отвагу» [27, с. 227], — это мечта об идеальном построении общества, в котором журналистика должна играть ту же роль, что науки и искусства — «установление “Царства Божия” на земле, торжество правды» [Там же]. А особенное призвание ее заключается, по мысли публициста, в собирании общества, объединении «всех истинных умственных профессий на задаче духовного служения народу» [Там же]. Тему настоящей аристократии и аристократизма как идеала Меньшиков развивал впоследствии в статьях, опубликованных в «Неделе» («Отклики». 1900. № 43), «Книжках “Недели”» («Две правды». 1893. № 4–5; «Литературная хворь». 1893. № 6; «Поэт-богатырь». 1895. № 11), «Новом времени» («Драма Гоголя». 1909. 21 марта; «Можно ли видеть будущее?». 1913. 1 января).

Указывая в статьях, что обеспеченное русское общество занято чаще всего наживой и развлечениями и крайне удалено от забот бедствующего народа [16], Меньшиков с горечью констатировал удаленность новостных блоков центральных газет от народных нужд. Так, вчитываясь в 1897 году в один из номеров «Нового времени», он отметил, что известия о бедствиях крестьян на орловщине, близ Харькова, в других местах центральной России «напечатаны в самом конце газеты, мелким шрифтом, перед объявлениями и может быть “на затычку”, тогда как все внимание газеты отдано венским скандалам, подготовке инженеров, новой опере...» [19, стб. 1514]. Таким образом, «самое важное, истинно серьезное, стоящее на очереди, все газеты почему-то запрягают в самый хвост» [Там же]. Меньшиков рекомендует журналистам новости под рубрикой «Внутренние известия» считать не далекой окраиной (как правило они шли за известиями из-за рубежа), а центром «газетной территории» [Там же]. В статье публи-

цист ставит проблемы выкачивания ресурсов из центра России, упадка жизни в нем и, главное — отсутствия защитника среди журналистов для своего, родного русского края: «...в Великодержавии не нашлось ни одного публициста, который принял бы горячо к сердцу эту тему» [19, стб. 1516]. Журналисты окраин России, особенно национальных, работают с увлечением, «когда дело касается их местных интересов» [Там же]. А защитников центральной России на этой ниве журналистики не было видно. Сам Меньшиков выступал в печати защитником своего родного края — псковщины, раскрывая в разных материалах с 1897 года и практически до конца журналистской деятельности его различные проблемы [20].

Если в 1891–1892 годах Меньшиков видел влияние газет на развитие общественного мнения прежде всего в Америке и Западной Европе, то в 1897 году он, уже поработав заместителем редактора в «Неделе», понял, что ежедневная газетная печать России, проникнувшая в разные общественные слои, начала вырабатывать в обществе к концу последнего десятилетия XIX века нечто новое. «Новые инстинкты» — так публицист назвал свой цикл из четырех статей, посвятив первую из них газетной журналистике, ставшей, по его мнению, невольным катализатором зарождения одного из «новых инстинктов». Статья была написана, когда Меньшиков еще не вел самостоятельного активного сбора средств с помощью «Недели» для голодающих в русской провинции крестьян (это произойдет чуть позже — в 1899 году). Но он уже убедился, что эффект воздействия на читателя газет, призывающих к состраданию, может быть сильным, что люди, находящиеся далеко от эпицентра трагических событий, живо откликаются на нужды других людей. Благодаря печати и прогрессу у читателей образуется «наклонность отзываться на самые отдаленные радости и страдания и сочувствовать им как ближайшим» [25, стб. 924]. Для России общественные пожертвования всем, кто пострадал от различных бедствий, войн были не в новинку. Новым являлось то, что газеты в собирании пожертвований играют важную, первостепенную «роль возбудителя общественного внимания и посредника» [25, стб. 925], который собирает деньги, передает их нуждающимся и громкогласно объявляет списки жертвователей.

К нескольким аспектам развития отечественной печати Меньшиков обращался в публикациях 1899 года [21; 22]. В третьем номере этого года в публикации «Отклики» публицист сообщил о выходе первого номера журнала А.Н. Толиверовой «Женское дело». Для публициста, заявившего, что он «принципиальный противник всяких специальных движений» выход журнала стал поводом высказать свое отношение к подобным явлениям журналистики: «К женскому движению я от-

ношусь с таким же сомнением, как к студенческому, рабочему, дворянскому, национальному и т.п. Все эти частные, мелкие движения мне кажутся нездоровыми, как в организме — случайные разрастания той или иной ткани. Я стою за то, что необходим общий равномерный нравственный рост общества и правильное функционирование всех тканей. Необходимо не женское или мужское движение, а непрерывное общечеловеческое, в котором только и могут найти истинную меру своей деятельности все отдельные величины. Так как женщину я считаю более человеком, чем женщиной, студента — более человеком, чем студентом, — рабочего — более человеком, нежели рабочим, то и думаю, что если бы *человеческий* их вопрос был решен как следует, то не было бы никакой нужды в их специальных вопросах» [21, стб. 105]. Развивая мысль о женской журналистике, Меньшиков писал: «К сожалению, в первой же книжке «Женского дела» уже фигурируют литераторы-мужчины, давая почти половину литературного материала. Это жаль. Г-же Толиверовой следовало бы отказаться вовсе от мужской помощи, тогда журнал ее представил бы интересный социально-литературный опыт, показав, что могут сделать женщины *одни*, собственными их усилиями» [Там же]. Для нас важно проявление в этой статье принципиальной позиции — отказ поддерживать ограниченную социальную группу, какую-либо «партию», в том числе и национальную, и утверждение примата нравственного роста общества. Следовательно, в 1899 году, всего за девять лет до создания Всероссийского национального союза публицист Меньшиков не считал национальный вопрос значимым.

В третьей статье цикла «Отклики» обратил внимание на фальшивое оживление газетно-журнального дела, произошедшее из-за того, что в журналистику часто приходят случайные, не одаренные талантом люди, те, кто желает «нажить что-нибудь и прославиться» с помощью печати [22, стб. 186]. Поводом для выступления становится закрытие из-за долгов в 1898 году журнала «Северный вестник», который возглавляла Л.Я. Гуревич.

По ходу размышления о печальной участи изданий, которые были открыты без мысли о настоящей, серьезной работе, Меньшиков затронул тему современной ему интеллигенции. С одной стороны, она, будучи в массе своей бесталанной, идет в журналистику, чтобы не заниматься «живым трудом», а быть около бумажного дела: «Тысячи живых, доходных, интересных дел кругом даже не начаты, но стоит русскому человеку окончить хоть бы только городское училище, чтобы он, как «интеллигент», похоронил даже самую мысль о возможности практического дела» [22, стб. 187]. Фальшивое оживление в журналистике, по мнению Меньшикова,

происходит именно благодаря таким: «“Писать” — одно из любимейших занятий русского человека: он *читает* (здесь и далее курсив М.О. Меньшикова — Н.К.) не любит, но писать — его мечта. <...> Литература для образованных людей — разновидность любимого канцелярского труда» [Там же]. Бездарная интеллигенция, утверждает публицист, виновна в возникновении множества изданий-однодневок, а также дешевых, некачественных газет и журналов: у них нет «ни денег, ни литературного вкуса, ни даровитых сотрудников, ни практического знания, ни способности посидеть хоть три часа за работой» [Там же]. С другой стороны, читающая интеллигентная публика определяет рублем спрос на плохие, бесталанно выпускаемые издания: «Русскому интеллигенту пропить сто рублей в год нипочем, но заплатить десять рублей за хороший журнал — его приводит в трепет» [22, стб. 186]. Поэтому прижимистая публика платит за дешевые, некачественные, ничего не значащие в литературном, духовном, журналистском отношении издания гроши, довольствуясь таким чтивом.

Меньшиков противопоставил неспособных к любому труду, но желавших денег и славы интеллигентов, быстро прогоравших в журналистике, упорным трудягам, которые тяжело и упорно развивали дело печати: «Такие люди обыкновенно начинают скромно, с небольших дел, и затем постепенно расширяют круг деятельности, почти всегда рассчитывая наверняка. И всегда эти люди вносят в жизнь нечто новое, отгадывают хоть и прозаическую, но действительную потребность в публике» [22, стб. 187].

Провинция и печать — одна из значимых проблем отечественной журналистики на всем протяжении ее существования. О развитии провинциальной прессы публицист начал размышлять в очерке о городе Саратове «Маленькая столица» [17]. Делая краткий обзор городских изданий, он отметил их близость к демократическим идеалам и разделение местной журналистики на враждебные лагеря, связанное с противостоянием изданий близких и оппозиционных местной власти. Вкусы читательской аудитории, обрисованные в очерке, также свидетельствовали о предпочтении либеральной и демократической печати. Автор материала в целом отобразил состояние развития российской прессы в глубинке и показал общедемократический характер развития провинциальной журналистики.

В помещенной по случаю смерти редактора «Кронштадтского вестника» А.Н. Рыкачева статье «Адмирал-редактор» Меньшиков более подробно отобразил работу провинциальных редакторов и журналистов [6]. Публицист привлек внимание читателей к личности покойного редактора. По мнению Меньшикова, этот

человек совершил подвиг, поскольку смог «тридцать лет вести утлое печатное судно среди скал и рифов, которыми особенно богата провинциальная жизнь» [6, стб. 1551]. Судьба редактора «Кронштадтского вестника» осмыслена в контексте эпохи, сформировавшей его. В мечтательные 1860-е годы, которые «испортили много карьер, расстроили тысячи жизненных путей» [6, стб. 1552], А. Н. Рыкачева «отбросило» в редакторы газеты, он отказался от морской карьеры и сделался береговым моряком, что не подходило под его горячий темперамент. В итоге, утверждал Меньшиков, «ни из Рыкачева не вышло крупного деятеля, ни из его предприятия — крупного дела» [Там же].

Автор статьи пришел к неутешительным выводам о трудностях работы журналистов провинции. Во-первых, редакция постоянно ощущала отсутствие хороших материалов от читателей и равнодушных людей, мелочность интересов общественности, которые стали причинами скудости идейно-тематического содержания издания: «В провинции на редакцию обыватели положительно смотрят как на какую-то сорную яму, в которую можно направлять только хлам и вздор. <...> Дело в том, что на редакторском столе появлялись изо дня в день десятки лет одни и те же интересные статьи по общественным вопросам: “О неисправности нашей мостовой”, “О покачнувшемся телеграфном столбе”, “О дерзости уличных собак” и пр. и пр.» [Там же]. Во-вторых, публика — важнейший враг свободы «захолустной» печати: «... в газете малейший намек на чье-нибудь явное и всем известное безобразие влечет за собою моментальную поездку к начальству, обвинение в диффамации, крики и вопли обиженного крокодила» [6, стб. 1553].

Адмирал-редактор Рыкачев для автора своеобразного некролога — «истинно русский человек», который «охотно становился в невозможные жизненные противоречия и приспособлялся к невозможным условиям», а в печати, в своих материалах проявил «живую душу, ясный и красивый стиль, свежесть ума и начитанность» [6, стб. 1552]. И хотя, подводя итоги, Меньшиков констатировал, что быть редактором захолустной газеты — «скучная история», публицист провозглашал итоговую мысль о том, что бескорыстная работа провинциального редактора-подвижника, служившего обществу, не должна быть забыта, «заслуживает хорошей памяти» [6, стб. 1553].

К мысли о том, что подвижничество и самоотверженность — залог успеха журналиста, особенно работающего в провинции, Меньшиков вернулся через год, размышляя о четверть вековой деятельности самарского деятеля русской провинциальной публицистики и медицины В. О. Португалова, также вышед-

шего из эпохи 1860-х [13]. Более всего в материале говорилось о незаурядности натуры борца за правду и врача-бессеребряника, готового отстаивать интересы общества, искренне ратующего за справедливость и бесплатно работающего с больными холерой.

Негативное влияние некачественной, дешевой прессы на жизнь интеллигенции в провинции Меньшиков затронул в одном из материалов цикла «Заметки» за 1891 год [8]. Публицист построил статью, применив излюбленный впоследствии художественно-публицистический прием — диалог, в котором затронут волнующий его вопрос. В беседе журналиста с приятелем устами первого однозначно утверждалось: чтобы в провинции жизнь стала интересней, надо отказаться от пошлых изданий с их мелочными и низменными интересами («К мелочности твоей жизни они прибавляют новую мелочность, к пошлой атмосфере — новые пошлые запахи из иных сфер...» [8, стб. 1404]) и обязательно подписаться на прессу качественную, ведь она отворяет «двери в мир, в жизнь русскую и всего человечества» [Там же].

Особо не приемлемой для Меньшикова была непорядочность в журналистике, часто проявлявшаяся в стремлении к диффамации, желании «кого-нибудь опозорить». Публицист видел, как низкопробная журналистика стремится опорочить не кого-нибудь, а «именно крупную личность, и чем выше такая личность, тем психопату приятнее ее оскорбить» [10, стб. 371]. Таким «психопатом» в 1892 году стала газета «Московские ведомости», желавшая опорочить Л. Н. Толстого и опубликовавшая «громadных размеров передовицу», где переводила с английского «какие-то письма Толстого, будто бы несомненно свидетельствующие о криминальном поведении графа» [Там же]. «Московские ведомости» и их сотрудники, по мысли публициста, льют «ушата грязи» на великого писателя только для того, чтобы стать известными и «что-нибудь нажить около толстовского учения» [Там же].

Пустые слова и безосновательные обвинения в журналистике — болезнь, которой были охвачены многие столичные и провинциальные издания конца XIX века. Этот порок М. О. Меньшиков замечал и во многих газетах, а причину его видел в инертности и неспособности к деятельности столичной и провинциальной интеллигенции, что в 1891–1892 годах было особенно заметно на фоне голодающих российских губерний [9]. Эпопея газетных схваток по самым мелким поводам — о золоте, о соли, о холере и из-за опечаток в публикациях, вспыхнувшая осенью 1892 года между «Новостями», «Московскими ведомостями», «Церковными ведомостями», «Гражданином», по мнению Меньшикова, очередной раз проявила мелочность, несостоятельность

интересов названных изданий. При этом, журналист отметил, что такое поведение редакций газет — «одно из любимейших “невинных развлечений” прессы» [14, стб. 1243].

Иное проявление негатива в печати — антигосударственную позицию — Меньшиков обнаруживал в деятельности газеты «Гражданин», издававшейся кн. В.П. Мещерским и имевшей в революционно-демократических и либеральных кругах репутацию одиозной и провластной. Для Меньшикова близость к власти не была главным отрицательным свойством издания. Важнее то, как газета и ее издатель относились к ключевым человеческим и государственным ценностям. Публицист «Недели» отвергает ложь и предательство национальных интересов в публикациях «Гражданина», очернявших правительство единственного союзника России — Франции [12, стб. 789]. Осуждал он и редакционный произвол кн. Мещерского к над сотрудниками этой газеты [12, стб. 790].

Тем не менее, когда это возможно, Меньшиков был готов отдать дань справедливого уважения кн. Мещерскому и его изданию. Так, в декабре 1896 года, когда голод уже свирепствовал в средней полосе России, Меньшиков указал на удаление значительной части интеллигенции, и прежде всего писателей и журналистов, от коренной проблемы народной жизни — голода. О бедствии напомнил обществу малоизвестный корреспондент «Гражданина» Бодиско, подробно описавший ужасы голода на страницах газеты. Только одно не принял М.О. Меньшиков в позиции журналиста «Гражданина»: его решение вопроса помощи голодающим крестьянам. Бодиско предлагал раздавать продовольствие только немощным голодающим, то есть детям, убогим, старикам, но не давать работоспособным крестьянам. Они должны были добывать хлеб сами, покупая его за наличные деньги, только по сниженной цене. Бодиско считал, что так необходимо сделать, для того чтобы мужики не обленились, поскольку даровая помощь развращает [18, стб. 1676]. Меньшиков обнаружил в этом утверждении противоречие: сам г. Бодиско понимает, что мужик денег нигде не достанет и купить его не сможет, но заставляет хлеб покупать [Там же].

Особое неприятие у журналиста вызывало проявление открытого стремления участников печатного процесса опорочить оппонентов, чтобы получить личные выгоды. О таком случае он рассказывает в сентябрьском номере «Недели» за 1892 год: известный врач Гольмстен, автор солидных публикаций о холере, выпустил брошюру, подписавшись псевдонимом «С.Т. Безымянный», в которой уничижительно и развязно отзывался об ученых трудах своих коллег, «а вся беда вышла из-за того, что дешевая брошюра о холере (изданная

врачами-коллегами.— Н.К.) подорвала спрос на дорожную, рублевую книгу Гольмстена» [14, стб. 1245]. Подлый язык и развязный тон выступления доктора Гольмстена, а главное — мелочность и бессовестность — возмущают Меньшикова-журналиста.

Подобный пример неприятия Меньшиковым писательской низости в журналистике есть и в публикации 1893 года о библиографе, литературоведе и критике С.А. Венгерове [15], составлявшем в 1890-х годах «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, от начала русской образованности и до наших дней». Венгеров подвергся газетному нападению со стороны нескольких «непризнанных гениев», группу которых возглавил писатель Максим Белинский. В своем словаре библиограф указал конкретный пример того, как произведение М. Белинского «Ординарный профессор» «отравило» последние годы жизни киевского профессора-химика П.П. Алексеева. О «пасквильянстве» Белинского Венгеров говорил прямо, за что и получил «ушаты грязи, не столько грязи — сколько лжи, самой фантастической, горячечной» [15, стб. 194]. Меньшиков дает подробную характеристику этому «работнику» пера: «...Беллетрист из опростившихся, ... нашедший свое призвание в жанре последних лет — порнографическом пасквиле» [15, стб. 193]. Автор «Недели» дал толкование нового жанра: это описание жизни какого-нибудь известного деятеля в любой области (писателя, ученого, актрисы и проч.) в неприличном романе: «Известный ученый или писатель изображается развратником, обольстившим свою кухарку, писательница — чуть не проституткой и т.п.» [Там же].

Публицист обнажил стремление Белинского к очернению талантливых людей через эксплуатацию этим автором низменного любопытства толпы. Особенно возмутило Меньшикова, что Белинский и его товарищи «завопили» о том, что «г. Венгеров по рождению еврей». Меньшиков реагирует на это предельно четко: иных возмущает, что «ценителем наших заслуг и ошибок выискался не русский человек, а чужанин». Ведь Венгеров — «человек очень сведущий, научно подготовленный», «человек талантливый», проявивший «любовь к русской литературе» и выражающий «искреннее восторженное или возмущенное мнение» о литераторах [Там же]. Главное для Меньшикова в данном случае не национальная принадлежность, а «порядочность тона, — элементарная, кажется, но столь редкая в современной литературе добродетель» [Там же]. Публицист «Недели», обозначая основную задачу беллетриста-биографа, говорил, что необходимо «изобразить великого человека во всей его силе, во всем благородстве, “презирая его прегрешения”, как говорится в погребальной молитве. Все внимание моих читателей я остановил бы на величии моих героев. Подобные биографии были бы неполными и неисторическими, но они действовали бы на душу читателя благотворно»

[15, стб. 195]. Подчинение написанного в художественных произведениях (в том числе и художественно-документальных повествованиях о великих людях) воспитательным задачам литературы — вот что главное для публициста, стремящегося воздействовать на публику в конце XIX века, когда, по его словам, «понятие о “соли земли” столь расплылось» [Там же]. Эта мысль — не обличать, а показывать красоту и величие человека — неоднократно выходит на страницы различных материалов М.О. Меньшикова, последний раз появляясь среди его последних дневниковых записей в апреле 1918 года вместе с немного искаженной цитатой из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель»:

...И мир мечтою благородной

Пред ним очищен и омыт... (Российский архив. [29, с. 118]).

В нескольких номерах «Недели» за 1900 год Меньшиков сформулировал свое журналистское кредо. Во-первых, он отвергает приписываемое ему многими современниками толстовство, поскольку он никогда не участвовал в «толстовских» колониях, а также не во всем и далеко не всегда «согласен не только с последователями великого писателя, но и с ним самим» [23, стб. 595]. Уважение Меньшикова к нравственным устремлениям, совести писателя, его убеждению «в необходимости каждому прежде всего работать над собой работе над собой» не означали заимствования: «...если некоторые идеалы у нас общие, то я чувствую, что с ними родился и они столько же мои. Невольные совпадения со столь живою и мощною мыслью — для меня лучшая радость жизни, это поддержка огромная, много способствовавшая обнаружению для меня собственной моей природы. Но было бы неправдой сказать, что я разделяю все мирозерцание великого писателя. Я даже не знаю его всего, а из того, что мне известно, не все мне свойственно» [Там же]. Во-вторых, стремясь к самостоятельности, публицист, сформулировал свое отношение к возможности принадлежать какой бы то ни было партии: «Нет, искренно говорю, — я не гожусь ни для какого лагеря. Я не чувствую себя для этого ни достаточно сильным, ни ожесточенным. Единственная моя мечта и в жизни, и в скромной журнальной работе — не лгать ни перед Богом, ни перед самим собой, и сколько доступно мне, разъяснять истину, где бы она ни встречалась» [Там же]. В-третьих, важная для Меньшикова особенность творчества — точность. Публицист говорит, что она с юности стали одной из главных его черт, поскольку он занимался точными науками. Личное качество точности отшлифовано и службой в армии гидрографом: «Потом это понадобилось на службе, где человек являлся лишь самым точным их прибором, где требовалось пристальное внимание, где небольшая ошибка человека или инструмента подвергала смертельной опасности целый корабль среди океана, многомиллионное сооружение с сотнями человеческих жизней» [24, стб. 1823]. Но, придя в журналистику,

он увидел практически полное отсутствие точности [24, стб. 1824]. В-четвертых, важное качество журналиста — правдивость. Она не может быть связана с подражанием кому-либо: «Может быть юноше, впервые вооружившемуся пером, кажется, что правда — очевидна, что она всего лишь в том, чтобы подражать рабски в тоне и в голосе “самому” г. Михайловскому, “самому” г. Грингмуту или “самому” г. Струве. А на самом деле правда — очень трудная вещь на свете, всегда трудная, и чем совестливее человек, тем она труднее». В-пятых, истина открывается «не подражанием, а непрерывным творчеством, напряженным углублением в предмет, рассматриваньем его тысячу раз с самым пристальным вниманием, на какое вы способны» [24, стб. 1825]. В-шестых, Меньшиков выступал против догматизма «правых» и «левых» в печати, выдвигая тезис об изменчивости «живой мысли» и истины, связанной с течением времени: «Всякая человеческая правда становится ложью, как только она останавливается: божественная ее свобода... отлетает, она становится идолом, недвижимым, холодным. Мне кажется, это закоснелое самодовольство и “правых”, и “левых” нашей печати происходит от нерелигиозного их отношения к истине»; «Истина зависит от условий, они меняются, и чтобы быть точным, необходимо постоянно вводить поправки. Это не отступничество от истины, а напротив — рыцарская верность ей» [Там же].

В своих публикациях в «Неделе» и «Книжках “Недели”» о журналистике М.О. Меньшиков с разных сторон подошел к феномену журналистики и создал достаточно целостную концепцию его понимания. Публицист выступил как аналитик, трезво обозначивший особенности развития журналистского процесса в период активного развития капитализма и как идеалист-мыслитель, требовавший чистоты и благородства идеалов, ясности и образности слов, однозначности и точности выражения мысли, утверждавший отказ от догматизма и изменчивость общественной правды. Он считал, что журналист должен быть исповедником высоких христианских идеалов, «аристократом духа» и одновременно должен вести за собой общество к прогрессу и образованности. Рефлексируя на страницах «Недели» и «Книжек “Недели”», Меньшиков обозначил сильные (объединение общества, развитие коммуникаций, способность возбуждать общество благородным поступком) и слабые (власть капитала, пустословие, удаленность от народных нужд, лживость) стороны мировой и отечественной журналистики, указал, что гласность, свобода слова — важнейшие условия ее нормального существования, обозначил главные задачи ее деятельности (предоставлять право голоса всем и давать полезные знания), выявил типичные тенденции развития в капиталистическом обществе, наметил ее перспективы развития и обрисовал наиболее важные для него черты журналиста: точность, правдивость, антидогматизм в соединении с совестью, свобода самовыражения, соответствие христианскому идеалу совести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаворонков Д. В. Начало работы М. О. Меньшикова в газете «Новое время» (1901 г.) // Управленческое консультирование. 2014. № 4. С. 180–188.
2. Жирков Г. В. Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900–1914 годов: Учебное пособие / Г. В. Жирков. СПб. 2011. 291 с.
3. Зверев Н. В. Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова: автореферат дис. . . . кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2013. 27 с.
4. Крижановский Н. И. Проблемы права, законности и правосудия в публикациях М. О. Меньшикова в газете «Неделя» с 1891 по 1900 годы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4. С. 93–103.
5. Крижановский Н. И. Публицистика М. О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX–XX веков. Армавир: РИО АГПА, 2012. 188 с.
6. М. Адмирал-редактор // Неделя. 1891. № 48. Стб. 1551–1553.
7. М. Газетное наводнение // Неделя. 1891. № 26. Стб. 817–821.
8. М. Заметки // Неделя. 1891. № 44. Стб. 1401–1405.
9. М. Заметки // Неделя. 1891. № 46. Стб. 1476–1479.
10. М. Заметки // Неделя. 1892. № 11. Стб. 368–371.
11. М. Заметки // Неделя. 1892. № 24. Стб. 786–790.
12. М. Заметки // Неделя. 1892. № 24. Стб. 786–790.
13. М. Заметки // Неделя. 1892. № 36. Стб. 1177–1180.
14. М. Заметки // Неделя. 1892. № 38. Стб. 1241–1245.
15. М. Заметки // Неделя. 1893. № 6. Стб. 192–195.
16. М. Злоба дня // Неделя. 1891. № 33. Стб. 1047–1051; М. Заметки // Неделя. 1891. № 46. Стб. 1476–1479; Меньшиков М. Золото и медь // Неделя. 1894. № 24. Стб. 770–773.
17. М. Маленькая столица // Неделя. 1891. № 20. Стб. 627–632.
18. М.О.М. На очереди // Неделя. 1897. № 51. Стб. 1674–1678.
19. М.О.М. На очереди // Неделя. 1897. № 47. Стб. 1514–1517.
20. М.О.М. На очереди // Неделя. 1897. № 37. Стб. 1184–1187; М.О.М. На очереди. // Неделя. 1897. № 43. Стб. 1376–1379; М.О.М. Отклики. // Неделя. 1899. № 11. Стб. 382–385; Меньшиков М. Новгородское начало. // Новое время. 1901. 19 августа; Меньшиков М. Разговор в вагоне. // Новое время. 1901. 23 сентября.
21. М.О.М. Отклики // Неделя. 1899. № 3. Стб. 105.
22. М.О.М. Отклики // Неделя. 1899. № 5. Стб. 186–188.
23. М.О.М. Отклики // Неделя. 1900. № 17. Стб. 593–595.
24. М.О.М. Отклики // Неделя. 1900. № 51. Стб. 1822–1825.
25. Меньшиков М. Новые инстинкты // Неделя. 1897. № 29. Стб. 924–927.
26. Меньшиков М. О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. 688 с.
27. Меньшиков М. О. Призвание журналистики // Меньшиков М. О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. 720 с. С. 159–233.
28. Орлов А. С. Интеллектуальная биография, социально-философские взгляды и публицистическая деятельность М. О. Меньшикова до начала работы в «Новом времени»: автореферат дис. . . . кандидата исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2015. 23 с.
29. Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв.). Вып. 4. М.: Студия «ТРИТЭ», «Российский архив», 1993. 271 с.
30. Санькова С. М. Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии: научная монография. Орел: ФГОУ ВПО «Госуниверситет — УНПК», 2011. 224 с.
31. Санькова С. М., Орлов А. С. Михаил Меньшиков. СПб.: Наука, 2017. 252 с.

© Крижановский Николай Игоревич (nicolaykri@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»